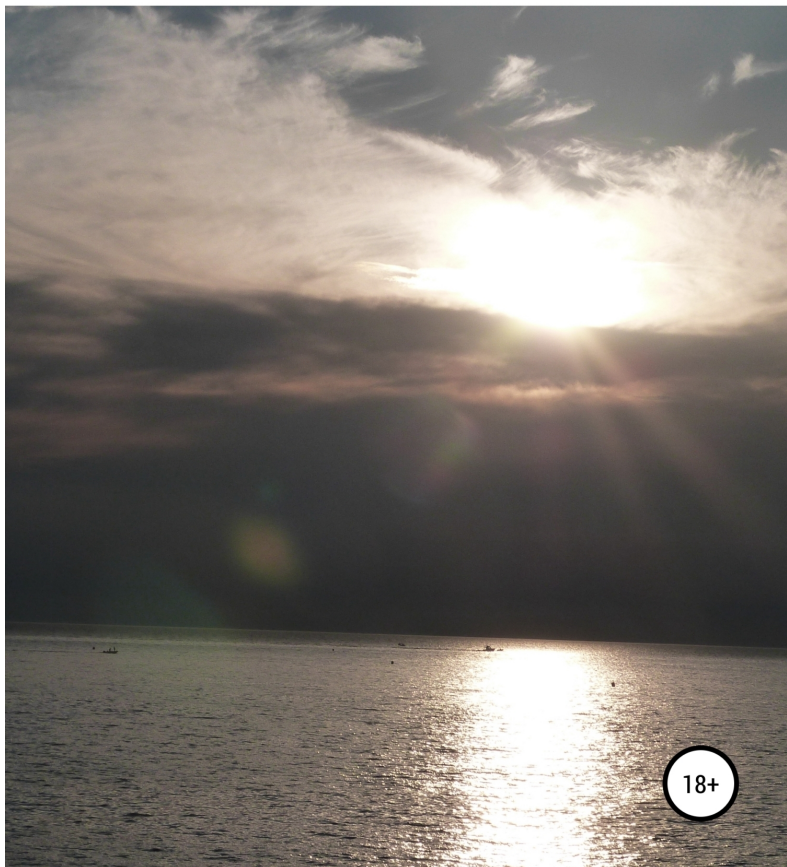

Плоткин Семён

Потерянный

18+

Семён Борисович Плоткин

Потерянный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25112284

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-12632-9

Аннотация

Человек, заблудившийся в реалиях современного мира, пытается осознать происходящее...

Моим коллегам,
работающим и ушедшим...

“Время не торопи – мне интересно”

-О, моя жизнь! Моя бедная жизнь!– это прозвучало, как сросшиеся со словами мелодия французских шансонье,– Моя бедная жизнь, похожая на ад,– подумал доктор Антонио и сделал маленький глоток кофе. “Или я человек, возвращенный в ад?!– он снова отпил кофе и снова подумал,– Нет, просто у меня такая судьба”.

Из открытых окон родильного отделения раздавались страстные, утробные вздохи. На крыльцо выскочила санитарка и закричала на всю площадь: “Доктор Антонио! Доктор Антонио, синьора Розалия рожает! “Теперь мысли Антонио переключились на неё – “Дура старая, могла позвонить на пейджер!”

Он тоскливо посмотрел на черную, пластиковую коробочку на поясном ремне и ему очень захотелось, чтобы она замигала зелеными и красными огоньками и по мерцающему экрану побежала строка: “Доктор, Вас ждут в операционной! “Но, плоскостопная санитарка, приехавшая лет тридцать назад из деревни так и осталась грубой, неотесанной пейзажной. Только доброй.

–Доктор Антонио! Синьора Розалия рожает!– от напряжения она даже присела и оперлась руками о колени.

Куда ей до последних достижений техники, когда всем известно, что доктор сидит под тентом в кафе напротив.

—О моей жизни можно писать книгу,— вздохнул Антонио и потому как курносая официантка, проскакивая мимо, обернулась, понял, что сказал это вслух.

Недовольный собой, он бросил на стол мелочь – ей на чаевые – и крикнул в прохладную глубину хозяйину: “Марко! Запиши на мой счет кофе и рогалик. Не перепутай! Пирожное я беру только по пятницам!”

—Доктор Антонио! Доктор Антонио, где же Вы?! Синьора Розалия рожает!

Ну и луженая у неё глотка! Все зеваки уже знают, что синьора Розалия рожает и видят, что доктор поднялся из легкого плетеного кресла.

Доктор Антонио, не спеша, пересек площадь. Синьора Розалия стала недобрым гением его медицинской карьеры в этом городке. Лет двадцать назад, когда он приехал сюда, полный радужных надежд после окончания университета, на его первое дежурство карета скорой помощи привезла из привокзального района, места обитания, получающих социальное пособие, некрасивую девицу, которую повивальная бабка тщетно пыталась разрешить от бремени. Девица скулила и впадала в беспамятство. Младенец, рвавшийся наружу, застревал в непропорционально узком тазу. Доктор Антонио встал к столу и сделал то, что благородно называется кесаревым сечением. С тех пор, каждые полтора – два года,

ему приходится повторять начатое однажды, плодя свору гиперактивных, агрессивных ублюдков, терроризирующих барышень из благотворительных служб, мелких лавочников и полицейских. “Перевязать бы ей трубы“, – каждый раз во время операции, вырезая предыдущий рубец, грешно задумывался доктор Антонио, но понимал, что синьора Розалия, истинная католичка, может заподозрить недоброе, брякнуть на исповеди и жди скандала.

К вечеру, уходя из отделения, он убедился, что синьора Розалия очнулась от наркоза и, сидя в кровати, с аппетитом хлебает больничную похлебку с клецкой. Рядом безмятежно подогревался в инкубаторе её приплод с генетически низкой линией волос, начинающийся почти от самой переносицы, и выпирающими надбровными дугами неандертальца.

–Спасибо Вам доктор,– синьора Розалия втянула в себя очередную ложку супа,– Да благослови Вас,– она с сожалением оторвалась от еды и забубнила молитву.

–Будьте счастливы...

Подошедшая секретарша отвлекла его, сообщив, что запись на вечерний прием заполнена, и замолчала в ожидании.

–Если другого выхода нет – доктор Антонио с силой стиснул между ладонями затылок, сдерживаясь, чтоб не чертыхнуться – придется открыть дополнительный час.

Еще студентом, поучал его дядя Корнелий – “Ты станешь большим, станешь важным, не позволяй, чтобы распорядок твоего дня зависел от настроения, с которым проснулась сек-

ретарша “. Предшественница, уволившаяся сидеть с детьми, могла мило поболтать, наобещать всякого и перенести очередь на завтра, а у этой мегеры способностей хватает только заполнить разлинованный листок в столбик.

Домой он вернулся поздно. Семья, по обыкновению, сидела в салоне и смотрела очередную часть сериала о красивой жизни с натуженными душными переживаниями. Экран голубел от ясного неба и воды в бассейне, подкрашенной купоросом.

–Жаль, что телевизор не может краснеть,– в пустоту произнес доктор Антонио.

Он вдруг вспомнил доктора Моргани, человека академических знаний и международного признания, который в порыве откровения, давным-давно во времена работы над докторатом, спросил его: ”Ты знаешь, о чем я мечтаю, друг Антонио?”

–О чем профессор? – воскликнул молодой врач, в надежде первым услышать новую научную идею.

–О том, что когда-нибудь я женюсь на безголосой певичке, приплясывающей в бикини, и уеду с ней на необитаемый, райский островок и неделями мы будем лежать в обнимку на горячем песке пляжа“.

Помолчав, профессор Моргани уточнил: “Нет, женившись на молоденькой надо двигаться, а мои годы для этого прошли. Я просто сяду в шезлонг, накроюсь панамкой и буду думать под шум прибора“.

–Мой друг Антонио ты знаешь, кем я мечтал быть в детстве?– продолжая открывать душу, оживился профессор Моргани – Я хотел быть юнгой, но не корабле, а на пристани. Я хотел принимать швартовые заходящих в гавань кораблей.

–Сейчас мне остается только мечтать, – не весело усмехнулся профессор Моргани, – Давай вернемся к нашим делам. Ты слишком тянешь со своим докторатом мой милый Антонио. Поторопись, мне ведь пора на пенсию.

–Ну, что нового в школе?– спросил доктор Антонио дочерей, по очереди поцеловав их в темечко. Качнув пышными хвостами с яркими бантами, девчонки отмахнулись от отца, продолжая жевать поп – корн. Жена, взгромоздившись на велосипед, лениво прокручивала педали. Перед ней, на специально приспособленном столике, стояла высокая чашка кофе, куда она бросила пригоршню сахарина. Если раньше жена любила пышные платья – воланы с обилием складок, то с годами, в пассивном сопротивлении возрасту, стала впихивать свое увядающее тело в обтягивающие тайцы и наполняла кухню коробками всевозможных и неэффективных диет. Почти с ненавистью глянув на супругу, доктор Антонио потрепал её по плечу – “Как дела, дорогая? “

–Ужин в микро,– ответила она, не отрываясь от телевизора,– Подогрей сам.

“Мама, как ты была права!” Ребекка – мать доктора Антонио, о которой за глаза, из-за красоты, иссиня-черных во-

лос, прямой спины и невозможно вспыльчивого характера говорили – “она не сеньора, она настоящая Донна” – не хотела невестки. Она так любила сына, что просто не представляла, что он может принадлежать не ей. Пышнотелая, вся в кружевах, кокетливая девчонка с необычным для этих мест именем Диана, так вскружила голову двадцати трех летнему студенту, что у Антонио перехватывало дыхание. Еще не старая, Ребекка возненавидела её, призывая на помощь всех святых, и дядю Корнелия, имевшего табачную фабрику и удачно игравшего на бирже. Не было секретом, что дядя Корнелий помогал оплачивать учебу юного Антония и вообще считался самым умным человеком в семье, к совету которого следовало прислушиваться.

– Милый юноша, – бубнил дядя Корнелий на правах близкого родственника и мецената, поглядывая поверх очков, – Я тоже был наивен и горяч, думая, что весь мир принадлежит таким же молодым и энергичным. Время проходит и приходится платить по счетам. За свою свободу сейчас, я отсчитываю хорошие алименты. Мой маленький Антонио, я ведь помню, как ты только начал ходить, хватаясь за ножки стульев, и называл меня “дядей Коней”. Послушай, я умудрен опытом, тебе надо учиться, профессор Моргани высокого мнения о твоих способностях. Потом ты начнешь работать, почувствуешь, что сможешь содержать семью и только после этого реши связать свою судьбу с кем бы то ни было. И все равно – не спиши! Поверь мне, старику, несмышлениш.

Увещевания не действовали. Антонио, унаследовавший упрямство матери, упирался. Ребекка выстрелила последний аргумент: "Ты уже большой, делай что хочешь. Но, в последний раз прислушайся к слову женщины, в муках родившей тебя! Перед тем, как женится, посмотри на свою будущую тещу, хорошо посмотри, такой будет твоя жена через год – другой. Ну, в лучшем случае, лет через десять".

–А у твоей,– победно добавила она,– Зад висит между колен и спина круглая.

–Оставь его Ребекка,– сказал дядя Корнелий, он понял все раньше.

Свадьбу сыграли скромно. Молодые не венчались, а просто расписались в мэрии. Городская глава, обвязавшись шарфом цвета национального флага и нацепив регалии, произнес напутственную речь с пожеланиями счастья, благополучия, долгих лет совместной жизни и радующих родителей будущих потомков, искоса поглядывая на розовые коленки невестки, выступающие из разрезов белой пены платья. Дядя Корнелий отсутствовал, сославшись на неотложные дела, прислав молодым обручальные кольца с бриллиантами, а Диане еще и кулон с королевской лилией из белой эмали. Ребекка, накрыв голову вуалью с красной розой, простояла всю церемонию, не проронив слезы. Злые языки сказали потом – "Наша Донна проглотила метлу. Хорошо, что прутья не торчали изо рта". А профессор Моргани счастливо обнял своего ученика, по-отечески похлопав по спине, шепнул на ухо:

”Ты умница Антонио. Так держать! Как я тебе завидую”.

Не дождавшись окончания ужина при свечах, молодые умчались на “Альфа – Ромео” Антонио в путешествие, подчас останавливаясь в придорожных гостиницах, где не было душа, а в продавленных матрасах водились клопы.

“Это было давно и уже неправда”, – поцокав языком доктор Антонио позвал Шона – немецкую овчарку от сытой и ленивой жизни ставшей ручной, как болонка. Потрепав жирный загривок с холеной шерстью, он насыпал собаке корм из пакета. Завиляв хвостом, пес защелкал челюстями.

–Только не говори, что забыли покормить твоего любимца, – крикнула Диана, – Девочки гуляли с ним весь вечер.

–Хорошо, хорошо, но Шон хочет есть.

Оставаться в салоне было бесполезно, только раздражаться и, пожелав в пустоту “спокойно ночи”, доктор Антонио поднялся в спальню. Ополоснув лицо и, взбодрившись, он взял с прикроватного столика первый, попавшийся под руку, журнал. Давным-давно, когда стало лень ходить в библиотеку, а Диана прекратила морочить голову возгласами – “Если бы не мое умение вести хозяйство, как бы мы дожили до конца месяца с твоей зарплатой?!”, доктор Антонио подписался на все крупные медицинские журналы. Теперь они громоздятся по углам в кабинете, попадаясь в туалете и спальне, собирая пыль и навевая грустные мысли, а отменить абонемент лень и как-то неудобно. Что за новость разнесет почтальон Лоренцо, почувствовав облегчение в своей, подобной

бурдюку, затертой кожаной сумке. Лучше собирать журналы в мешок раз в несколько месяцев и выносить в мусор.

–Снотворное принимаешь?– съязвила Диана, открыв дверь.

–И, да и нет. Помнишь Линардо?

–Тот, который женился на пучеглазой каракатице?

–Он самый. Написал оригинальную статью, с интересными результатами. Мысль, конечно, не новая, но обосновал неплохо.– Антонио глянул заглавный лист и хмыкнул, – Повезло, что не выбросил. Почти полгода здесь валялся. А так бы никогда не узнал, каков он наш Линардо.

В душе засвербело и перехватило в горле. Линардо был указан заведующим отделением, а значит приемником профессора Моргани. Тот самый Линардо, к которому профессор Моргани обращался не иначе, как ”наш безобидный серый мышонок”, постоянно спрашивая,– ”ну, где идеи, юноша?! ” Понятно, что Линардо сейчас набивает публикации в надежде получить профессора, но все– таки, что случилось, почему именно ему профессор Моргани уступил свое место. Неужели никого достойнее не оказалось рядом?!

Доктор Антонио отложил журнал и посмотрел в сторону жены. Диана, накинув китайский халат с ужасными драконами, сидела у инкрустированного ночного столика, старательно втирая кончиками пальцев питательный крем вокруг глаз и расправляя кожу на лбу.

–Ну, чем закончился фильм?– спросил её Антонио.

–Так, ничем, – Диана слегка пощипала щеки,– Жермина никак не может определить любит она Жерома или нет.

–И что же ей мешает?

Диана смущенно прыснула – ”То, что у него одно яичко ниже другого!”

–Нет тут ничего смешного. Обычная анатомическая особенность.

–Неужели? Что-то не замечала.

–Сходи завтра в музей, посмотри на античные статуи.

Ночью позвонили из клиники. Молодой ординатор Сержи, явно обеспокоенный, сообщил, что синьора Розалия кровит. Доктор Антонио покряхтел, стряхивая сон, и присел на высоких подушках. Минуты скакали на электронном ночнике вокруг цифры три.

–Что-что. Повтори.

–Мне не хотелось Вас беспокоить, доктор Антонио,– голос ординатора вздрагивал, может от волнения, а может от желания спать,– Синьора Розалия кровит. Не сильно. Я хотел подождать до утра, но сестры уже дважды меняли прокладки. Хотите, чтобы я дал ей кровь?

–Нет,– доктор Антонио принял решение и даже обрадовался, каким оно оказалось простым и легким,– Будем делать ревизию. Приготовьте операционную и вызовите сестру Марианну. Я скоро буду.

–Когда они тебя оставят в покое?– проворчала со своей

половины кровати Диана,— Пора понять, что ты уже не мальчик. Пусть другие бегают по ночам!

—Дорогая спи. Это моя больная,— доктор Антонио поцеловал горячий со сна лоб супруги.

Операция прошла четко и гладко, как её описывают в учебниках. Доктор Антонио не любил неожиданностей, открывая живот — недоброкачественных узлов, коварных фонтанчиков крови, брызгающих из-под пальцев, необходимости непредусмотренных разрезов.

—Будьте любезны, Сержи, зашейте,— он, без лишнего треска, свернул с ладоней резиновые перчатки, кровью вовнутрь,— Я пойду, запишу протокол и распоряджусь, чтобы вызвали такси отвезти сестру Марианну домой.

—Дорогой доктор не желает быть кавалером и оказать услугу, доставив, побеспокоенную им среди ночи, девушку домой?!— прервав пересчитывание использованных зажимов и пинцетов, с вызывающей искренностью, откликнулась Марианна.

—Сестра, не отвлекайтесь! Будет очень нехорошо, если мы забудем в утробе синьоры Розалия салфетку или другую мелочь.

Марианна покраснела, и ординатор Сержи шутливо заступился за неё — ”Шеф не стоит так с милой дамой! ”

—Возможно. Примите мои извинения, если я не слишком учтив. Скоро утро и мне разумнее остаться в больнице. Вам же следует отдохнуть.

“Шанс, шеф!” – Сержи, не таясь, саркастически скривил под маской губы, – “Не упускай шанс, лопух!” Доктор Антонио все понял и без его подсказки. Он давно ловил на себе томные взгляды сестры Марианны. Но зачем это?! На легкую интрижку нет времени а, главное, желания. Что греха таить, иногда, когда сестра Марианна приближалась чересчур близко, обдавая душным ароматом пушистых волос, ему хотелось потрогать её высокую грудь, выступающую из узкого халатика, или ущипнуть за плотный бок. Не более того. Мальчишеская шалость недостойная солидного человека. Доктор Антонио внутренне гордился своей старомодностью. Сейчас, когда сам президент республики каждую неделю кается, то перед прессой, то перед комиссией парламента, вчера даже перед учащимися выпускных классов пускал слезу, что у него есть любовь к стажерке из комитета по правам человека. И ничего более! А роман с олимпийской чемпионкой по гимнастике – это все выдумки бульварной газетенки, на которую пора подать в суд, но, нельзя, же снизить до их желтого уровня! Ребенка от танцовщицы варьете тоже надо доказать. Генетически! Знаем мы этих француженок!

Сестра Марианна, сложив инструментарий в стерилизацию, пожелала – “Спокойной ночи, дорогие доктора! Приятного Вам рабочего дня, ” – и пошла легким шагом, слегка покачивая округлыми бедрами, по коридору, пересекающим весь больничный корпус насквозь. Мужчины посмотрели ей вслед. Сержи с неприкрытым восторгом – “Шеф, она

такая длинноногая и воздушная!” – со страданием прошептал он. Доктор Антонио согласно кивнул головой, – ”Да. А потом мы пропускаем момент, когда вот такие длинноногие и воздушные превращаются в обрюзгших, нудных, колченогих. Мой учитель, профессор Моргани говорил, что когда мужчина женится, он уверен, что его избранница само совершенство и никогда не изменится, но со временем понимает, что не прав и сам начинает изменять в бесполезном поиске того самого совершенства”.

–Шеф, только без философии! Без микроскопа видно – девушка вас жаждет. Что говорил Кай Юлий Цезарь – “пришел, увидел, подобрал”.

Сержи убивал своей развязностью. Доктору Антонио он не понравился с первого взгляда, когда пришел на собеседование. День тогда начался неудачно. Неожиданно позвонила Диана, в самый неподходящий момент, когда в кабинете за столом сидит врач, с которым предстоит работать. И ударило ей в голову самостоятельно включить компьютер. Пришлось нудно повторять – “Так, дважды нажми на Enter, дважды. Теперь аккуратно подведи стрелку к квадратику и снова дважды нажми на левую кнопку. Какому квадратику? Тот, который ты выбрала!” Сержи сидел, сучая, подперев щеку, а потом спросил, пока доктор Антонио, нетерпеливо постукивая пальцами, ожидал ответа Дианы, – “Неужели в наше продвинутое время встречаются идиоты, не освоившие click?!”

–It’s my wife,– процедил доктор Антонио.

Ясно, что Диане захотелось отовариться в Интернете, но она не решила что и где. “Зря старался, убил целый вечер, всё вытащил, разложил с закладками...” – и вслух сказал: “Дорогая, мне некогда. У меня разговор с коллегой. Приду домой, разберемся. Извини”.

А еще доктор Антонио недолюбливал ординатора за его, как он считал, поверхностный ход мыслей и потребительский образ жизни. Ординатор никогда не задумывался и ни в чем себе не отказывал. По утрам он играл в теннис и ездил по городу в красном кабриолете. “Сержи, Вы опять опаздываете на обход. Все ждут только Вас”.

–Ах, мне право неловко,– прикладывал руку к сердцу стажер и ослепительно улыбался, источая молодость и силу,– Но поймите меня. Пробежав час с ракеткой нужно привести себя в порядок. Я окунулся в джакузи, и тут моя новая подруга увидела меня... О, если бы вы знали, какая она наивная девушка!

Доктор Антонио молчал, не представляя как отвечать на такие откровения. А старшая сестра и старая дева Ингрид гневно спросила: “У вас кроме секса в голове еще что-то есть?!”

–Любовь и медицина!– парировал ординатор Сержи,– сейчас, конечно, больше любви, но, с возрастом я обещаю исправиться. Моя мечта стать подобным Вам, доктор Антонио”.

–Доктор Антонио – молод!– с негодованием, глупо отве-

тила Ингрид, – Но не позволяет себе подобных выходов!

“Ночь обостряет чувства, Сержи. Наступит день и все будет, как обычно. Если меня будут искать – я в виварии. Вам заварить кофе?”

–Нет, спасибо. Я лучше подремлю часок.

В подвале, где обитали обреченные подопытные животные, стоял тяжелый, прокисший запах пропитанного мочой сена. Нащупав на стене выключатель, доктор Антонио включил тусклую лампочку под сводчатым потолком. В клетках послышалось осторожное шевеление, и старый слепой пес Шарло гавкнул. Он доживал здесь свой век этот старый полицейский пес, поднявший морду из алюминиевой плошки с остатками каши. Когда-то кличка у него была соответствующая службе, еда подходящая и работа ответственная – шагать в ногу с ведомым, скалить зубы на распоясавшихся молодчиков, а если надо, хватать их за рукав. Потом Шарло (еще не Шарло), вместе с незнакомой сучкой, по возрасту списали из полиции и привезли сюда. Служитель Бжинский, увидев двух ученых собак, сидящих рядом, высунув языки, воскликнул – “Вы только посмотрите – настоящие Шарло и Шарлотка”.

Судьба собакам выпала незавидная. Ортопеды, внедряя в клинику аппарат Илизарова, упражнялись на них, заковывая конечности в стальные панцири со спицами, растягивающими кости. Первой не выдержала истязаний Шарлотка и сво-

ей женской самоотверженностью спасла друга. Когда служитель Бжинский в очередной раз вел их из вивария в операционную, Шарлотка, радостно залааяв, неожиданно дернула в сторону и, вырвав поводок, выскочила на улицу. Свидетели, пораженные, потом в один голос уверяли, что собака, кандалами волочившая на себе металлические конструкции, не пыталась убежать, а прямо кинулась под подъезжавший трамвай. Случай так поразил всех, что никто не спорил с манифестантами из общества охраны природы, пикетировавших больницу с плакатами – “Убийц животных – к ответу! “ “Сегодня собака, а завтра – ты, человек! “ Журналистов допустили снять в операционной общий план, и главный врач сказал для вечерних новостей несколько пространных слов о гуманизме, о значении опыта для развития науки и что собаке за такие заслуги поставлен памятник и не один. Шарло получил целый мешок корма “Педигри“, его оставили в покое, пока страсти не улеглись, а потом, когда Бжинский снова попытался вывести его наверх, кинулся в клетке, разодрав шкуру о прутья, и заслужил покой.

Покой и внимание попечительского совета, специально собравшегося на выездное собрание в виварии. Ох, и намучился же Бжинский с преданными ему в помощь двумя дюжими санитарами и тремя сиделками из молодых да подвижных, очищая помещение и переводя животных в глухой подвал, подальше от контролирующего глаза – даже цветы в кадках принесли и побрызгали сверху для благовония. Ре-

спектабельные попечители остались довольны, сфотографировались для истории вместе и по-отдельности с Шарло. Вот где потребовалась полицейская закалка – лежать, не двигаясь, у кресла, пока пятнадцать подагрических старцев смеяют один другого. Закончив представительскую часть, совет единогласно утвердил председателя на новый срок, а казначея, в соответствии с уставом поменяли местами с представителем в мэрии от благотворительных организаций, должности вроде незаметной и непочетной, но, неподотчетной и контролирующей поступающие пожертвования. Уже расходясь, вновь вспомнили о животных.

–А с ними, что будем делать?– неопределенно разведя руками, спросил, новый казначей.

–Действительно, господа,– воскликнул председатель,– Что мы будем делать с этими благородными тварями?! Ведь из-за них нам пришлось собраться здесь, в столь непригодном для нашей высокой миссии месте?!

–И думать тут нечего,– уже с верхней ступеньки, спеша на банкет, откликнулся старый казначей,– После опыта сдавать в приемник – “теплые руки – теплый дом”, а бесперспективных найти опекунов – усыплять. Ты понял?

Бжинский покорно кивнул, но с Шарло приказа не выполнил. ” Таковую уродину уже никто не возьмет, а после того, что бедняга пережил, умерщвлять его просто бессердечно! ”

Доктор Антонио направился в дальний угол, куда задвинули его, подобный верстаку, рабочий стол, за которым он

планировал продолжать успешно начатое в докторате. Бжинский тогда подхваченный его научным порывом, с надеждой на ветры перемен, выжег на гладкой поверхности доски павловскую собачку с фистулой и полукругом вывел любимое изречение профессора Морганини – “И капля слюны точит гранит науки!” Теперь Бжинский время от времени, поплевав, протирает свое художество. Доктор Антонио порылся в ящиках стола, доставая бумаги и, проглядывая, выкидывал их в мусорное ведро. Он прекрасно понимал, что угнаться за Лоренцо уже поздно. Надо все начинать сначала, а это значит опять создавать живую модель – беременную морскую свинку. О даже улыбнулся, вспомнив, как намучился тогда, выясняя действие лекарств на плод. То свинки помирали от неизвестных причин, то не желали оплодотворяться, то рожали до срока! А бьющиеся пробирки с драгоценной плазмой, а реактивы, иссекающие к середине опыта! Нет, только по наивности молодости можно пережить это!

Доктор Антонио посмотрел на часы – подниматься на отделение еще рано. Он поменял воду Шарло – с годами Бжинский все больше страдал склерозом и иногда делал двадцать раз на дню одно и то же, а иногда забывал самое насущное. Посидел на корточках перед собакой, смотревшей на него печальными понимающими глазами.

– Вот так дружище, – сказал ему, – дурака Шона хочется погладить, потаскать за шкуру, а с тобой хочется поговорить. Но ведь ты ничего не скажешь.

Шарло отвернулся и накрыл глаза лапой.

– Грустная у нас с тобой судьба, – протянул доктор Антонио.

Вздыхнув, он выпрямился, хрустнув в суставах (раньше такого не было, и вставал быстрее), но наверх не пошел, а спустился ниже – в мертвецкую.

Прозектор Гринберг приходил на работу рано и уже сидел за столом, накинув на плечи талес.

– А, проходи, садитесь, – обернулся он, – Я только помолюсь. Вы знаете, хорошо начинать день, пообщавшись с умным собеседником. Меня этому отец учил, а я спорил. Злил старика, говорил, что он не искренен, просто ему так удобно жить. Когда отца не стало, осознал, что был не прав. Банально.

Доктор Антонио любил заходить к Гринбергу. С годами хотелось умного и непринужденного общения. Обстановка в мертвецкой располагало к этому. Здесь всегда было стерильно – розовая лысина Гринберга отражалась в зеркальных стеклах шкафов с анатомическими препаратами, светясь в ореоле искр, отскакивающих от оцинкованных столов. Никто никуда не спешил, истерически не звонили телефоны, и санитарка трубно не кричала: “Доктор Антонио, ну где же вы?” От такого крика даже те, кто не собирался родить могли выкинуть.

По больнице Гринберг пользовался репутацией тронувшегося чудака – ездит на работу на велосипеде, нацепив шлем

с козырьком от солнца, а фраза, брошенная на собрании заведующих отделениями по результатам заболеваемости и смертности – “Не знают что, не знают, как, а лечат...”

– Господи!– главный врач суеверно постучал по массивному столу с округленными краями,– Он все видит...

–И все слышит! – оживился прозектор,– У меня есть прямой канал связи, рядом с вытяжкой, только отрой задвижку. Кричать не надо, шепотом акустика лучше.

–Не будьте столь фамильярны, доктор,– вкрадчиво из глубины зала попросил ксендз, любовно поглаживая кончиками пальцев потертый переплет библии.

–Что за чушь!– завелся Гринберг,– Шустрые еврейские мальчишки состряпали из религии, полученной на горе Синай, комикс, гениальные итальянцы эпохи Возрождения разрисовали, а Вы превозносите истиной в последней инстанции.

Присутствующие, увидев, как напряглось лицо главного, подумали, что Гринберга обязательно уволят. Доктор Антонио дипломатично звонил председателю попечительского совета, вроде по поводу приобретения нового аппарата ультразвук с особыми гинекологическими насадками, и с надеждой прояснить ситуацию, совместив любопытство с делом полезным и нужным для работы. И в ответ неожиданно услышал – “Аппарат это хорошо. Мы обязательно подумаем. Мне, правда, Арон сказал, что хороший врач бабу смотрит двумя пальцами, а не пластиком”.

–Простите кто-кто,– переспросил доктор Антонио.

–Арон Гринберг. Вы разве не знакомы?

Вот и заступайся после этого за человека – доктор Антонио в сердцах бросил трубку. А скандал потушили, выпустив письмо, которое размножили и разослали всем работникам больницы, с пожеланием – “... соблюдать коллегиальность и понимание важности совместной работы“.

Общее примирительное настроение испортила местная газетенка “Голос городка”, обычно публикующая отчеты о поездках мэра по городам побратимам, вечеринках “золотой молодежи” в элитном баре “Карнавал”, мелкую уголовную хронику и существующая за счет объявлений девочек по сопровождению и продаже недвижимости. Презрев рамки провинциального приличия, газетка, в рубрике “нам пишут”, откликнулась письмом, страдающего обывателя, пролежавшего с подвернутым голеностопом, после неудачного удара по мячу в воскресной игре дворовых команд, на носилках в приемном покое лишние полчаса и за это время осознавшего всю глубину опасности не дожидаться своей очереди на пересадку почки или умереть от прободной язвы желудка так и не получив гарантированный бумажный пакет с гамбургером. “Что может хотеть от нашей славной больницы такой маленький человек, как я,– вопрошал читатель,– если судно ему подаст безмолвная филиппинка, живот помнет равнодушный швед, флегматичный датчанин заглянет в горло, сердце прослушает педантичный немец, а по коленке постучит высокомерный поляк?! Он может быть спокоен

только в одном – на тот свет его благословит, прочтя поминальную молитву, еврей! “

–Я возмущен!– обиделся ординатор Сержи, отбросив газету,– могли бы и обо мне написать соответственно – “тепераментный итальянец видит суть каждой женщины! “

–Разбивая их сердца!– улыбнулся доктор Антонио,– Скажите спасибо, что Вас не вспомнили – крику было бы больше!

Гринберг снял с головы ермолку, с грустью глянул вовнутрь на прилипший седой волос, дунул на него и убрал в шкаф вместе с талесом.

–Может быть это пустая формальность, но я изменился. Наверно, старею, – смущенно объяснял он, словно задержанный на месте преступления,– Стараюсь не путать мясное с молочным, перестал летать по субботам. Вы спросите – зачем мне это?! Затрудняюсь ответить. Когда мне желают – “жить до ста двадцати лет“ я теряюсь – воспринимать это, как доброе слово или проклятие?!

Доктор Антонио обрадовался, что не первым начал разговор и сказал устало, с чувством законченного дела,– “Мне тут ночью оперировать пришлось. Надеюсь, ничего особенного...“

–Да, конечно,– пожевал губами Гринберг,– Я видел препараты синьоры Розалия в холодильнике. Хочется верить, что Вы теперь надолго избавились от этой ужасной и несчастной женщины.

–Не я один, общество! Плюс сама синьора Розалия, хотя этого она не поймет и будет плакаться, что ей теперь урежут пособие по многодетности.

–Рассуждая так, Вы приобщаетесь к высоким материям, коллега!

–Иногда по ночам забредают в голову интересные мысли.

–Ну, в таком случае, могу дать разумный совет,– улыбнулся Гринберг,– возьмите ручку и выразите их на бумаге. Потом положите в стол. Потомки найдут, прочтут, понюхают и решат чем пахнет ваша гениальность – уксусом или хорошей выдержкой!

Чуть было, не поперхнувшись предложенным чаем, доктор Антонио смахнул с халата бурые капли, оставившие следы. Гринберг повторил то, что он сам уже сказал сегодня утром. Произнесенное дважды за одни сутки, это не случайное стечение обстоятельств. Доктор Антонио верил в predeterminedness событий. Почему бы не попробовать?! Профессор Моргани собирался писать мемуары. “Я слишком много повидал на своем веку,– говорил он, обнимая за плечи молодых сотрудников, – Видел многих сильных мира сего в исподнем и без. Мне есть, чем поделиться с потомками. “ Он показывал томик с пожелтевшей фотографией писателя в пенсне и с клиновидной бородкой, называя его препаратом человеческих душ, и очень рекомендовал почитать.

–Достиг вершин литературы, а начинал с историй из клинической практики. Вот так-то, мой юный друг.

Доктор Антонио поморщился, стараясь вспомнить фамилию писателя. Прошлым летом, они с Дианой ходили на спектакль столичной антрепризы, наделавший много шума.

–Из-за твоей нерасторопности мы пропустим “Чайку“! – горячилась Диана,– Все уже заказали билеты!

По случаю выхода в свет она обновила свой гардероб розовым платьем с бантом на спине и со шлейфом до пола. Доктор Антонио готов был, провалится под землю, стоя рядом с супругой в фойе театра, но, оказалось, что в наряде Дианы нет ничего предосудительного. Пользуясь случаем, все видные дамы городка решили показать себя, но, дальше открытых плеч, ажурных накидок, и искусственных цветов в лифе, фантазия не пошла. Фурор произвела супруга владельца банковской конторы “Международные инвестиции“ сухопарая Джейн Гиблоу, явившаяся слегка обернутая в черные переливающиеся серебром меха с ярко сверкающим бриллиантом в пупке. С невозмутимостью и экстравагантностью характерной для представительниц Туманного Альбиона, госпожа Гиблоу прохаживалась в сопровождении своего невысокого, с округлым брюшком финансиста, мужа глядя поверх голов и широко отводя острые локти с шелковым платком.

–Мои комплементы женщине, которая в её годы может публично обнажаться,– оценил доктор Антонио, задержав взгляд на ровных шашечках брюшных мышц.

–Твоя мама,– фыркнула Диана,– сказала бы, что драгоценности носят в ушах, на шеи, но не на заднице.

–А ты бы сказала,– парировал доктор Антонио,– что не можешь так одеваться потому, что муж не покупает тебе песцов.

Диана надулась и отошла к группе активно общающихся женщин. Доктор Антонио не знал их, но догадался, что с некоторыми встречался в своем кабинете. Грузная госпожа, в черных кружевах, с землистым цветом лица, проступающим сквозь румяна, приветливо улыбнулась ему, и он, кивнув в ответ, вспомнил, что оперировал её по поводу миомы.

Гринберг сидел в кафе, изучая программку.

–Эта уже третья “Чайка”, которую мне предстоит смотреть,– подытожил прозектор,– В первой я даже участвовал, занимаясь в студенческой самодеятельности. Моих творческих способностей хватило для подъёма занавеса и создания шумов, подчеркиваю – шумов, а не голосов, за сценой. Потом девушка, которая предполагала, чтобы я сделаю её предложение, затащила меня, прячась от дождя, на постановку ... чью – запамятовал... Вот она, проходящая слава! Мне было не интересно, я хотел, когда дождь прошел, продолжить шататься в обнимку по улицам. Моя спутница, сказала, что такая романтика ей надоела и осталась одна. Теперь я здесь из глубокого уважения к высокому искусству, чувства причастности к выдающимся событиям в нашем городе и элементарной скуки, проще – театральный завсегдайт!

Прозвенел звонок. Билетеры засуетились, приглашая в зал. Занавеса не было. По пустой сцене, не обращая внимания на рассаживающихся зрителей, ходили люди в невзрачных свитерах, вынося и расставляя стулья и столы. Доктор Антонио подумал, что работники сцены не успели подготовиться к спектаклю. Постепенно зал успокоился, даже раздались отдельные хлопки, а стулья продолжали вносить, выносить, ставить и переставлять, только грубо сколоченной табуретке никак не находилось места и её даже побросали за кулисы и обратно. Доктор Антонио заерзал. “Это новое, оригинальное прочтение,— шепнула ему в ухо Диана,— Говорят очень смелое и откровенное“.

—Значит, остался голый сюжет, и появилась голая женщина.

—Ты – неостроумный циник,— Диана отодвинулась, но, в подтверждении его слов, возникла девушка, прошедшая к авансцене. Не спеша, излишне извиваясь, она стянула через голову узкое, как чулок, платье грубой вязки и замерла, обнаженная, в луче прожектора, раскинув руки.

Актеры оживились, некоторые забегали, ломая руки, хватаясь за голову, произнося длинные монологи. Девушку стали одевать, обматывая, то розовевшими, то зеленевшими, то темневшими лентами бесплотной материи. В самые патетические моменты, по замыслу авторов постановки, героиню поднимали на тросе, и она пролетала над головами, шурша синтетическим белыми рукавами – крыльями. В конце спек-

такля, спеленованная этими рукавами, как в смирительную рубашку, её унесли вместе со столами и стульями, только поверженная грубая табуретка скрипуче каталась в одиночестве. Раздвинув задник сцены, вперед вышел мужчина с пепельными волосами до плеч (“Это режиссер” – догадалась Диана). Режиссер, указующим жестом римского императора, поднял руку, блеснув перстнями на растопыренных пальцах. Повинуясь ему, все подняли головы, и раздался сдувающий шум ветра. “Не Гринберг ли так свистел?! “ – подумал доктор Антонио. Хлопнул выстрел, по проходу тонкой струйкой потянулся дымок, запахло паленой бумагой. Неровно заплодировали, крикнули “Браво“, актеры стали выходить на поклоны. Героини среди них не было.

–Мы присутствовали при печальной истории о не практичном отношении к женщине в эпоху феодализма, – пробираясь к выходу заметил он. Диана не ответила, у неё на глазах стояли слезы.

-Чай попили, поговорили, пора работать, – посмотрел на часы Гринберг, – Если мы оба не хотим иметь душе отравляющие разговоры с начальством.

На внутреннем лифте, которым обычно перевозили мусор и покойников, доктор Антонио поднялся в отделение и сразу почувствовал в воздухе неразряженные электрические заряды. Ингрид подала ему халат. Полулежа в кресле заведующего, ординатор Сержи лениво поинтересовался – “Я, ко-

нечно, все понимаю, но все— таки, за что такая привилегия? Мы живем в демократической стране с равными правами”.

—Особое отношение положено руководителю по должности, а доктору Антонио — как джентльмену. Все остальные мужчины свиньи! Мне достаточно видеть каждый день женские страдания из-за ваших утех!

—Вполне, вполне достойное объяснение, — покачался в кресле ординатор Сержи,— Воинственный феминизм выходит на тропу войны.

—Сержи, право, прекратите. Говорить в таком тоне просто не этично!

Почему нетерпящие друг друга люди обязательно должны устраивать словесные дуэли, выяснять отношения?! Проще разойтись по углам и не портить настроение!

—Извините, доктор Антонио, извините дорогая Ингрид,— ординатор встал, послав ей воздушный поцелуй.

Старшая сестра брезгливо передернулась.

—Мы сегодня, наконец, начнем?— сухо спросила она.

После обхода доктор Антонио зашел в палату к синьоре Розалия, присел у изголовья больной и, смотря ей прямо в глаза, произнес заранее заготовленную фразу — “Синьора Розалия, мне приходится сказать вам правду, после проведенной нами ночью операции вы остались женщиной, но никогда больше не будете матерью”.

Не понимая, синьора Розалия захлопала поросычьими глазками и тоскливо глянула за спину доктора, высматривая

в коридоре каталку с завтраком.

–Хорошо,– доктор Антонио встал,– Я поговорю с вашим духовником.

–О, доктор, наш замечательный доктор!– словно дождавшись приглашения, на встречу спешил ксендз, призывно помахивая и одновременно вытирая белым платком пот со лба,– Столько дел! Столько дел! Всюду надо успеть! Прямо валюсь с ног! Только сейчас добрался до Вас. А хотелось раньше, раньше...

–Охотно верю,– с досадой отстранился доктор Антонио, опасаясь просьб об одолжение. "Вы так чутки к страданиям... -возникнув сзади и подхватив под локоть, прямо в ухо нашёптывал ксендз,– Она, она милейшая создание, племянница очень уважаемого члена общины, но, бывает... бывает...". "Если криминал, предупреждаю, я обязан сообщить в полицию, если нехорошая болезнь – зарегистрировать в эпидемиологической службе. Просто принять вне очереди – увольте!"

–Вам видней,– развиваясь, черная сутана исчезала,– Милосердия! Люди ждут от нас милосердия! Я тороплюсь!– он был незаменим, когда требовалось продлить визу сиделке, получить разрешение похоронить на закрытом кладбище или добиться срочного перевода.

"Цирроз! Пересадка печени в Брюсселе! – ксендз поправил наушник – bluetooth, мимикой, удерживая доктора Антонио рядом с собой,– Организован благотворительный кон-

церт, сбор пожертвований. Страховая компания покрывает реанимобиль и самолет!"

–Трансплантат прибудет из Парижа. Ах, доктор, наш замечательный доктор, видите, вздохнуть не дают! Мне поговорить с Вами надо. Спокойно, о душе. Вот синьора Розалия...– глаза ксендза светились любовью и преданностью, готовые выслушать самые искренние признания,– Не подумайте, Ваша деятельность свята, я не вмешиваюсь, но мог быть полезен молитвой, советом.... Очень прошу Вас, в следующий раз...

–Учту, – стараясь сохранить вежливость, буркнул доктор Антони, зачем-то добавив,– Можете не сомневаться.

–Даже в три часа ночи,– со значением поднял палец ксендз,– Оперирует профессор Богорад! – отвлекся он на следующий звонок и, удивившись, переспросил сам себя,– Опять еврей. Почему хороший врач обязательно должен быть евреем?!

"Религия и антисемитизм – это бизнес,– объяснял дядя Корнелий,– никакого отношения ни к вере, ни к цвету кожи не имеющие". Раздосадованный дерзким напором ксендза доктор Антонио отступил.

В ординаторской Сержи перебирал почту.

–Есть интересное предложение. Вас приглашают на международный конгресс по проблемам вне утробного оплодотворения.

–Удивлены? Мой учитель, профессор Моргани, был од-

ним из первопроходцев. Для тех лет у нас были отличные показатели, вполне сопоставимые с нынешними, среднестатистическими.

Вернувшись домой, доктор Антонио застал жену чрезвычайно возбужденной. Такое состояние бывало у нее, когда Диана выбирала себе по каталогам новое платье, переставляла мебель, передвигала горшки с пальмами на балконе.

–Ты ничего не понимаешь, у меня есть потребность постоянно что-то менять в жизни. Я не могу засохнуть, как ты, в работе,– объясняла она.

В салоне, закинув ногу за ногу, расположился молодой человек, вызывающий до отвращения – блестящие от бриллиантина, вставшие перьями волосы, подбритые усики сросшие с тонкими бакенбардами, остренький подбородок с титановым конусом под губой, цепочка на шеи с совмещенными символами Венеры и Марса, синяя рубашка с желтым галстуком в красных кляксах.

–Мой муж,– представила Диана,– Эдуард, дизайнер, выпускник парижской академии изящных искусств.

–Можно Эдди.

–Очень приятно,– мрачно сказал доктор Антонио, чувствуя, что вместо руки мнет пуховую подушечку,– Антонио.

От этого щеголя с явным отклонением физиологической ориентации исходил приторный запах слащавого одеколona и доктор Антонио, подавляя приступ тошноты, проглотил металлически – кислую слюну.

– Эдуард вызвался помочь нам поменять интерьер, – затахтела Диана, – У нас в квартире нет единого стиля. Кухню давно пора выбросить. Поменять занавеси...

– Да, – подтвердил дизайнер, подняв палец с наманикюренным ногтем, – Мы тут с Вашей женой прикинули несколько вариантов. Я ей показал, как здесь все можно разнообразить, соединить или, наоборот, разбить. Ведь гармония достигается не одним математическим сложением. Например, мне ваш салон видится так, – Эдуард сделал несколько гипнотических пассов руками, – Здесь, при входе, должна стоять статуя. Торс мужчины, от шеи до гениталий. Подчеркнутый натурализм, мускулатура борца. А сзади, на стене, по полукругу, – панно. Пастельные тона, стилизация под французских классицистов – купальщицы, выходящие на берег реки. Но, к сожалению, ваша супруга нашла мою идею слишком агрессивной.

"И пошловатой", – про себя добавил доктор Антонио, – Не буду вам мешать, доверяя вкусу жены, – решил он.

Диана поднялась за ним следом, плотно прикрыв за собой дверь – "Ты опять не согласен с тем, что я делаю?! – свистящим шёпотом спросила она, – Поверь, нам надо наладить наш быт. Мне надоело наткаться на сковородки твоей мамы!"

Доктор Антонио пожал плечами, переодеваясь в домашний вельветовый костюм, протертый, вздувшийся на локтях, но теплый и удобный.

–Педики очень хорошо чувствуют, что нужно женщине,– жена выдала дополнительный аргумент.

–Несомненно. От каждого – свое!

–От тебя дождешься,– смерив мужа презрительным взглядом, Диана повернулась спиной, но не уходила, ожидая одобрительной или примирительной фразы.

–Дорогая, я всегда восторгался твоими творческими порывами,– уступил доктор Антонио, приобняв плечи супруги.

–Вот именно, твое молчаливое согласие меня пугает,– завелась Диана,– Можно подумать мне одной этой надо! В воскресенье мы приглашены на обед к Лауре. Предупреди в отделении, чтоб обошлись без сюрпризов. Пусть учатся работать сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.